

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017)9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao)36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in politary society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

УДК 902.03

DOI: 10.14258/nneur(2019)2–04

Е. А. Смагулов

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

О САКРАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ АТРИБУТОВ АЛТАРЕЙ В ЖИЛИЩАХ ПРИСЫРДАРЬИ

Статья посвящена публикации уникального керамического атрибута домашнего напольного алтаря, найденного в горизонте X–XI вв. городища Культобе в Туркестане. На подковообразном керамическом изделии есть три упора, которые, скорее всего, служили для установки над специальной лункой с углями небольшой круглой жаровни для воскурения неких растительных субстанций. находка расширяет репертуар керамических атрибутов, применявшихся на домашних алтарях. От них при археологических расчистках обычно остаются лишь прокаленные площадки с лунками на полу. Лишь в исключительных случаях, как в руинах огузских жилищ низовьев Сырдарьи, на алтарях встречаются керамические изделия в виде сдвоенных протом.

Эти находки положили конец «бытовым» трактовкам «шашлычниц», которые при всем разнообразии форм обладали конструктивным и семантическим единством. Интересно, что подобные керамические очажно-алтарные атрибуты известны с эпохи раннего железного века (РЖВ). Они обычны в «скифских» жилищах от Сибири до Крыма. С сако-сарматской эпохи подобные фигуры в разном культовом контексте служили оберегами, благодать которых могла быть направлена как на личную, так и на общественную сферы.

Ключевые слова: городища, алтари, семантика, «подставки», оберег, протома, культовая керамика.

Е. А. Smagulov

Institute of archaeology named after A.H. Margulan, Almaty (Kazakhstan)

CONCERNING THE SACRED MEANING OF CERAMIC ARTIFACTS FROM THE CLAY ALTARS IN THE DWELLINGS OF THE LAND ALONG THE SYR-DARYA RIVER

The paper is dedicated to the publication of a unique ceramic artifact from the house floor shrine in a house, excavated while clearing the X–XI centuries layer of the ancient settlement of Kultobe in Turkestan. A horseshoe-shaped ceramic item had special stops that most likely served to install it over a special hole with coals of a small round fireplace for burning herbal

substances. This artifact increases the repertoire of ceramic attributes used at the home shrine. Usually during archaeological excavations only calcined areas with holes on the floor remain. Only in exceptional cases such as the ruins of Oguz dwellings of the lower reaches of the Syr Darya river there were found ceramic items in the form of double protoma at the shrine.

These findings put an end to the interpretations at the mundane level of the so-called «barbecue area», which despite of the diversity of forms had constructive and semantic unity. It is interesting that such a ceramic fireplace/shrine attributes have been known since the Early Iron Age. They are common to «Scythian» dwellings from Siberia to Crimea. Since the Saka-Sarmatian age such figures in different religious contexts have served as important amulets the goodness of which could have an impact both on personal and public spheres.

Key words: sites of ancient settlements, altars, semantics, stands, amulet, protoma, iconic ceramics.

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: az_sultan2015@mail.ru.

Исследования субстратных слоев холма Культобе вскрыли застройку древней цитадели города Яссы (II в. до н.э. — III в. н.э.) — предтечи средневекового города Туркестан на юге Казахстана. Здесь расчищен крестовидный в плане замок, окруженный древней крепостной стеной [Смагулов, 2013: 495–520]. Замок пережил два этапа реконструкций, крепостная стена также была реконструирована, наращена как в высоту, так и в толщину. Но все же после сильного пожара во второй половине III в. н.э. замок был заброшен, потом забутован, превращен в платформу, а сверху возникла раннесредневековая застройка. Эта же застройка охватила пространства за стенами замка, где стали формироваться жилые массивы.

Жилые помещения этой застройки характеризуются, помимо узких суф вдоль двух-трех стен, тандыров, «опущенных» в пол, также наличием напольных глиняных очагов/алтарей. Это обычно прямоугольная в плане площадка (примерно, 1,2 x 1,0 м) на полу в центре помещения. Невысокие бортики по краю (5–8 см); внутренняя поверхность прокалена до розовато-оранжевого цвета. В центре прокала ямка (около 10–12 см в диаметре) с золой и углями, в которую зачастую был вкопан небольшой керамический сосуд (кружка, плошка). Эти базовые признаки характерны для большинства известных очагов в жилищах населения всего Присырдарьинского региона с первых веков до н. э. и до XI–XII вв. [Смагулов, 2010: 70–91].

При этом в разных оазисах в разные исторические периоды распространяются очаги со специфичными характерными признаками. В их устройстве появлялись различной формы предметы, так называемые шашлычницы, а также керамические атрибуты иной формы [Смагулов, 1992: 34–43].

При расчистке помещений X–XI вв. на Культобе в 2017 г. обнаружили еще одну неизвестную ранее форму очажного атрибута. Эту деталь можно с полным основанием назвать керамической очажной подставкой. Она изготовлена из очень плотной, тяже-

лой (из-за обилия песка) глиняной массы черного цвета в изломе. Это стоящая на боковой грани пластина, в плане в виде несомкнутого круга диаметром 190–192 мм. По краям и центру три остrokонечных выступа — вершины. Максимальная высота центрального выступа 138 мм, а выступы на краях высотой 150 мм. Проем в кольце 94 мм. Массивные стенки имеют утолщение к основанию, снаружи они покрыты светло-коричневым (бежевым) ангобом. Их средняя толщина 20–26 мм. Центральный выступ напротив проема слегка отогнут наружу. Один боковой утрачен, отколот, так же, как и кольцевидная ручка, прикреплявшаяся снаружи под центральной вершиной. Торцы стенок оформлены ритмичными пальцевыми вдавлениями (рис. 1).

На внутреннем периметре под остrokонечными выступами на стенках наклеплено по круглой опорной «кнопке» диаметром 30 мм. Их всего было три, и они были удобны для установки на них небольшой плоской жаровни или иного сосуда с вертикальными стенками. Обычный сосуд с расходящимися от дна стенками установить на эти выступы было бы невозможно. Скорее всего, над жаром углей очага с помощью этой подставки устанавливалась небольшая плоская жаровня, на которой воскурялись семена или листья неких ароматических трав (?).

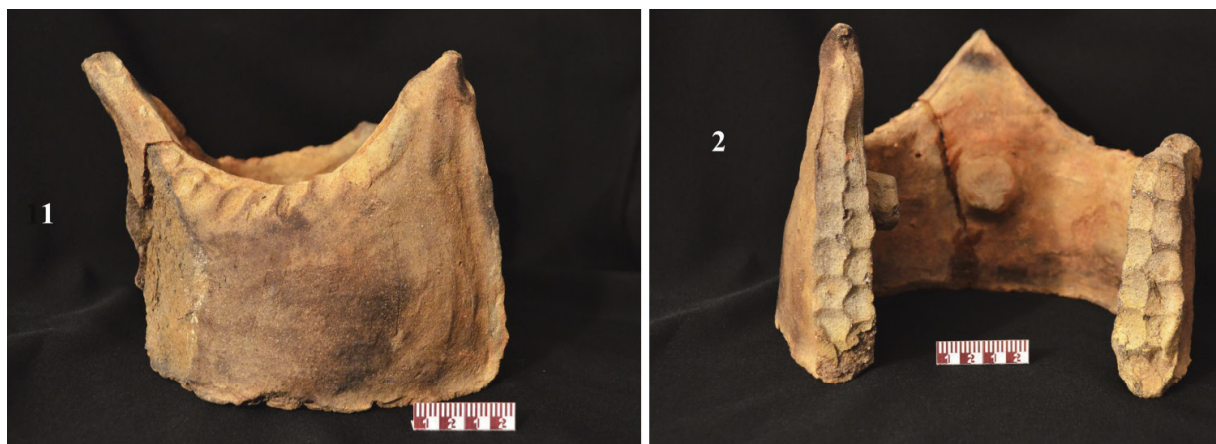

Рис. 1. Алтарная подставка из Культобе

Подставка обнаружена расколотой надвое при зачистке уровня пола помещения 28 второго строительного горизонта (СГ2) и вне связи с очагом. С этого уровня происходит «караханидская» глазурованная керамика. Для этого и более ранних помещений характерны квадратные (прямоугольные) напольные глиняные очаги с невысокими бортиками. В центре площадки очага находится неглубокая лунка диаметром 10–16 см. Она сильно прокалена, ее заполняют угли и зола. Вокруг обмазка очага сильно прокалена до оранжево-красного цвета, по мере удаления от этой лунки прокал слабевает. Судя по всему, эта лунка и есть эпицентр очага: здесь разжигался огонь и здесь же хранились негасимо тлеющие угли.

Описанная выше подковообразная в плане керамическая деталь может быть установлена на очаг, так что лунка оказывается как бы внутри окруженного надежными стенками тесного пространства. На нижней части стенок «подставки» явные следы воздействия сильного жара, заметна прокопченность внутренней стороны. В общем

виде это выглядело как на рисунке 2. Вполне возможно, что эта керамическая подставка служила для того, чтобы устанавливать над жаром углей небольшой сосуд-жаровню или курильницу. При этом сосуд опирался на имеющиеся три «кнопки» — выступы.

Рис. 2. Алтарная подставка на напольном алтаре

Напольные очаги/алтари раннесредневековой эпохи сырдарьинского бассейна отличались наличием разнообразных дополнительных керамических элементов. Наиболее интересными из них являются так называемые керамические «шашлычницы». Долгое время их находки в слоях позднеантичного или раннесредневекового времени вызвали неоднозначные толкования [Смагулов, 2004: 94].

Особенно характерна эта специфическая категория находок в слоях поселений каунчинской культуры, а также Хорезма и Согда. Г. А. Пугаченкова под этим названием — «шашлычницы» — объединяет два типа очажных подставок — «длинные» и «короткие», не различая их функционально [Пугаченкова, 1986: 34–37]. Но даже наиболее очевидные признаки («длинные» имеют на концах зооантропоморфные протомы разной степени «стилизации»; «короткие» никогда таких не имеют, но обычно снабжены отверстием в массивной нижней части) свидетельствуют о том, что эти два типа имеют разное функциональное назначение. По мнению Г. А. Пугаченковой, в это отверстие вставлялся некий «соединительный стержень». Г. А. Брыкина считает, что в отверстия вставлялись вертела [1982: 80].

С накоплением фактического материала и наблюдений появляются специальные публикации, в которых подробно рассматривается семантика зооморфных изображений, при этом не ставится под сомнение их утилитарно-бытовая функция [Пугаченкова, 1986: 34–37; Богомоллов, Алимов, 1996: 161–166]. Обычно при публикации данных изделий отмечается, что присутствуют следы воздействия огня (большая прокаливаемость, копоть) на одной из сторон. С. К. Кабановым отмечено, что «подставка дол-

го стояла на горячей поверхности очага, о чем свидетельствует почернение всей нижней части на высоту до 2,5 см [Кабанов, 1981: 46–47].

Находки «шашлычниц» при раскопках верхних горизонтов раннесредневековых городищ на средней Сырдарье поднимают до XI–XII вв. верхний хронологический рубеж их бытования и вместе с находками из соседних памятников включают Туркестанский и Отрарский оазисы в регион их массового распространения. Появившиеся в последнее время материалы позволяют по-новому аргументировать гипотезу об их культовом назначении.

Рыхлая структура теста подставок, что неоднократно отмечалось в публикациях, свидетельствует о том, что они могли служить опорой для чего-то, что ставилось на очаг; например полных казанов. Это обстоятельство специально подчеркнул еще Г. В. Григорьев [1940: 27], когда отметил, что у подобного рода изделий, «рогачей», более-менее прочной является ангобная поверхность, «едва она разрушается, как все тело изображения легко рассыпается даже при слабом нажиме». Эти наблюдения свидетельствуют о том, что «шашлычницы» хотя и были как-то связаны с очагом, но не могли служить в роли бытовых очажных подставок под котлы или шампуры. Для этих целей в быту каунчинцев могли служить подставки других типов (рис. 3. — 5; 4). Обычно они наряду с «шашлычницами» присутствуют в синхронных слоях памятников. С расширением исследований памятников каунчинской и тесно связанной с ней отрарско-каратауской и джетыасарской культур бассейна Сырдарьи, включая также памятники Согда, связанные с «каунчинской инвазией», подобные находки стали обычным явлением. Выяснилось, что широко распространенные со времени Каунчи I «шашлычницы» доживают вплоть до IX в. А территориально они присутствуют в памятниках конца I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. от Енисея до Дуная [Левина, 1966: 68].

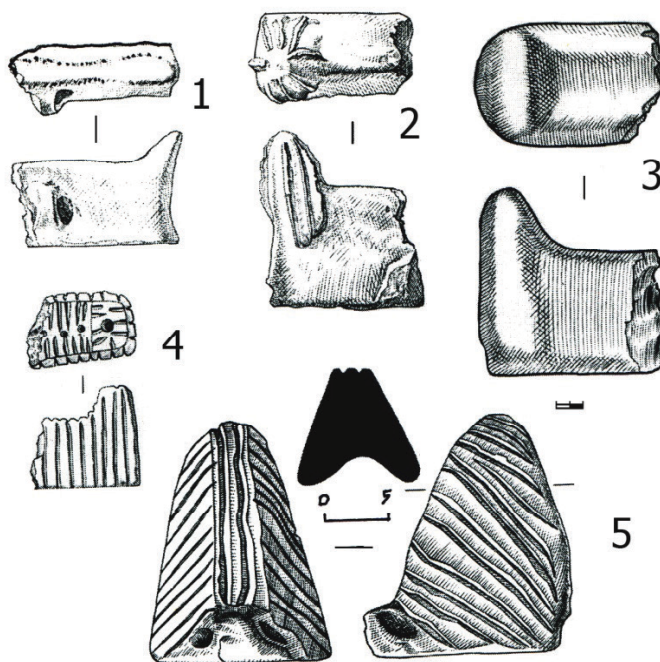

Рис. 3. «Шашлычницы» из Отрарского оазиса; 5 — подставка под котел

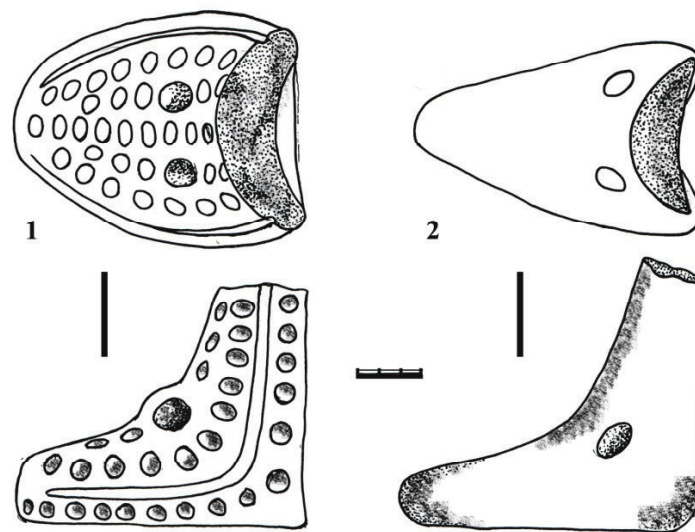

Рис. 4. Подставки под котел из Культобе

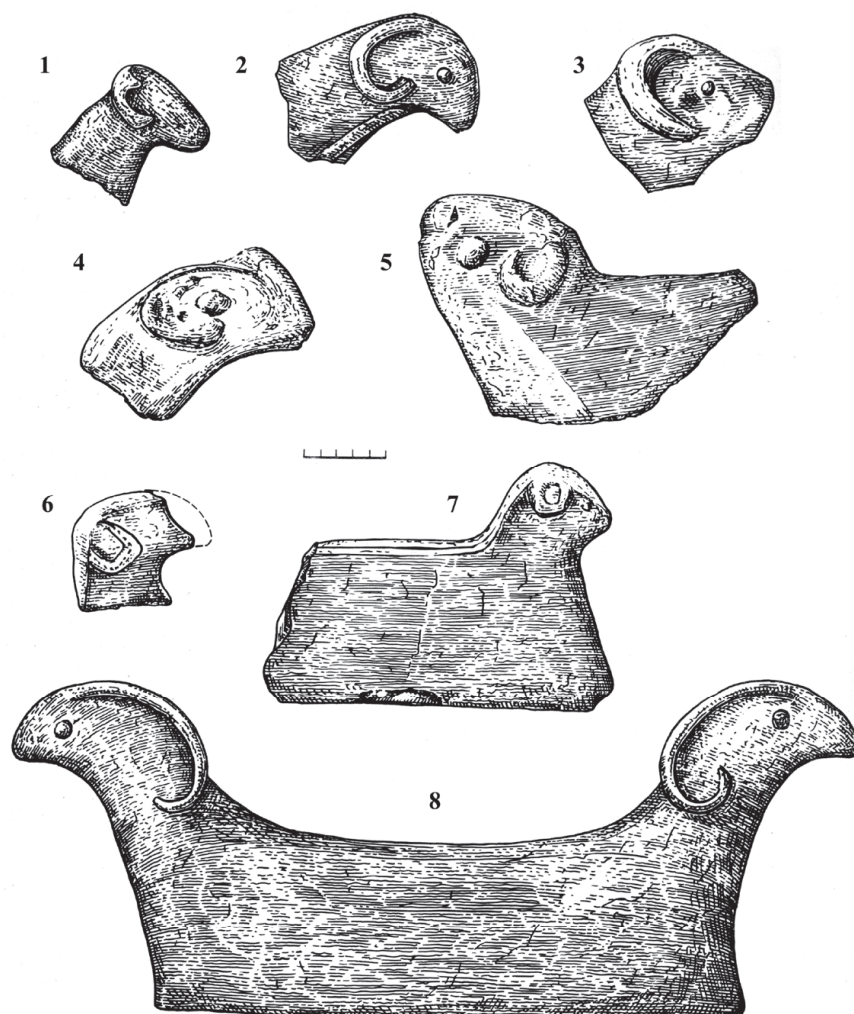

Рис. 5. «Шашлычницы» из позднескифских поселений Крыма
[Дашевская, 1991: 64, табл. 84]

Широко представлены такого рода подставки в позднескифских комплексах (II–III вв.) Крыма и Северного Кавказа [Шульц, 1971: 177; Дашевская, 1991: 14]. Некоторые авторы видят в них атрибуты солнечного культа (рис. 5). При этом отмечается, что «глиняные очажные подставки с протомами животных на концах в позднескифских (причерноморских. — С. Е.) и каунчинских городищах также необъяснимо близки» [Берлизов, Каминский, 1993: 108].

Эти «странные» изделия неоднократно привлекали внимание исследователей. По вопросам их происхождения, хронологии, назначения и использования высказано множество мнений [Пугаченкова, 1986: 34–37; 1989: 107–120; Филанович, 1983: 144; Буряков, 1986: 54; Кабанов, 1981: 31–32; Богомолов, Алимов, 1996: 161–166].

В последнее время в результате исследований в Присырдарьинском регионе получены интересные данные, которые, на наш взгляд, могут помочь в понимании роли и функции этих «подставок». Дело в том, что никогда ранее «шашлычницы» не были зафиксированы *in situ* на алтарях или бытовых очагах в жилищах, но то, что они при использовании были как-то связаны с очагом, отмечено в их условном названии. Лишь исследования последних лет на городище Джанкент в низовьях Сырдарьи, пожалуй, однозначно ответили на вопрос о назначении и месте подобных «подставок» в сакральном пространстве жилого помещения. Здесь при вскрытии жилищ IX в. зафиксировано несколько глиняных напольных очагов-алтарей с установленными на них великолепными «подставками-шашлычницами» (рис. 6) [Зиливинская, 2013: 100–107; Ахатов, Смагулов, 2008: 217–221].

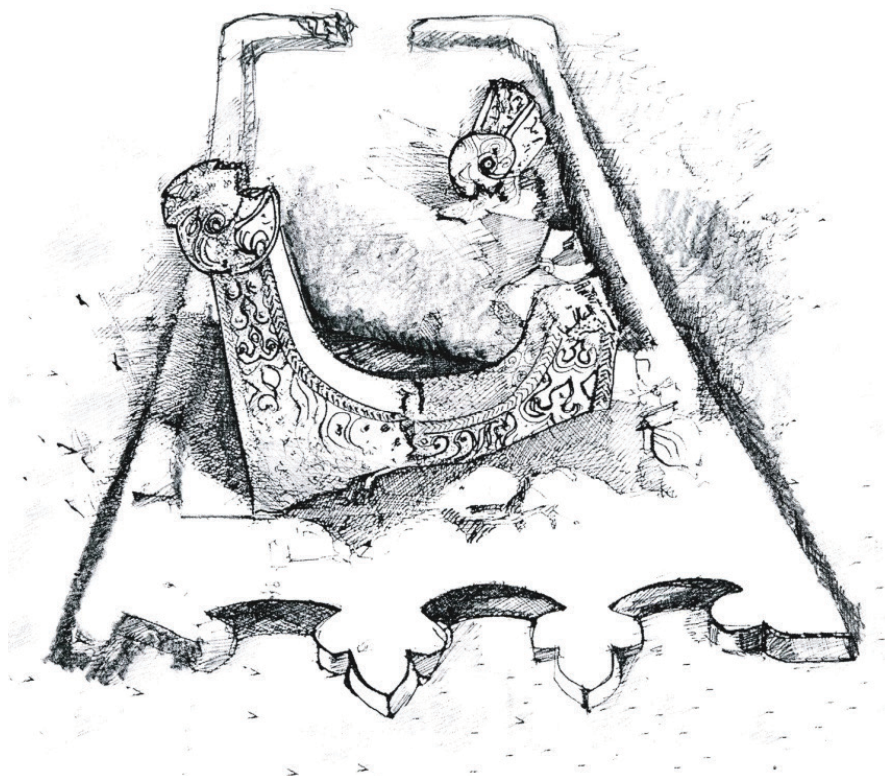

Рис. 6. Керамическая сдвоенная протома на алтаре Джанкента. X–XI вв.

Мы считаем, что эти керамические фигуры на домашних очагах-алтарях огузского Джанкента морфологически и конструктивно едины с более древними выше упомянутыми аналогичными изделиями. Единство конструктивной морфологии этих странных поделок может свидетельствовать о единстве их семантики на протяжении более чем тысячелетнего периода.

Нужно подчеркнуть, что в определении функционального назначения «двухголовых подставок», или «шашлычниц» до недавних пор господствовала «утилитарная» точка зрения. Она была сформулирована, как отмечено, еще Г. В. Григорьевым, увидевшим в них подставки под вертела (см. рис. 1). [Григорьев, 1940: 25]. Впоследствии это определение стало само собой разумеющимся и традиционным [Левина, 1971: 73; Пугаченкова, 1986: 34–37; 1989: 107–120; Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968: 62]. Лишь некоторые авторы высказывали сомнение в подобной интерпретации назначения этих находок, но «культовую» трактовку ничем не обосновывали, ссылаясь лишь на то, что и утилитарное использование их также не обосновано [Кабанов, 1981: 31–32; Буряков, 1982: 120; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии..., 1985: 303].

В свое время мной был предпринят опыт пересмотра этих взглядов. На основании новых материалов, полученных при раскопках раннесредневековых слоев городищ средней Сырдарьи, было обосновано понимание этой категории артефактов как культовых атрибутов [Смагулов, 2004: 90–108]. Великолепные находки в огузских жилищах IX в. Жанкента окончательно снимают вопрос о утилитарном назначении этих «подставок» и дают возможность конкретизировать культовую функцию этих атрибутов.

В наиболее общем виде «шашлычницы» как отдельный вид подставок представляют собой удлиненный, уплощенный и поставленный на узкую грань пласт глины. Концевые участки оформлены или протомами животных, или просто имеют различно оформленное возвышение. На одной из боковых сторон в середине обычно сделана петлевидная ручка. Концевые выступы могут быть различной высоты, так же, как толщина и длина самого изделия. Пропорции бокового контура укладываются в интервал от 1:2 до 1:3.

Отметим, что еще до находок на Джанкенте двусторонние керамические протомы встречались в связи с алтарями в раннесредневековых культовых комплексах. Например, в цитадели раннесредневекового городища Сидака в Туркестанском оазисе в одном комплексе присутствуют два архитектурных типа святилищ: с пристенным алтарем и нишей в стене над ним (тип 1); с полуовальным алтарем в центре помещения святилища (тип 2). Последний алтарь типичен для культовых помещений в раннесредневековых памятниках. В Согде, Хорезме, Уструшане, Шаше выявлен целый ряд подобных помещений. Они входят в застройку цитаделей, дворцов, являясь частью храмовых комплексов — святилищами. При этом алтари, подобные сидакскому типу 2, фигурируют как «подковообразные алтарные подиумы» [Гуревич, 1990: 76].

В ходе расчистки алтаря выяснилось, что он был установлен в середине помещения, вдоль стен которого устроены суфы [Смагулов, 2008: 384–385]. На поверхности

алтаря вдоль края средней части прямой стороны из глины сделан налеп в виде валика с приостренным верхом и конусовидными выступами на концах. Длина этой детали — около 50 см, высота выступов — до 16 см. Эта деталь напоминает своей конструкцией, с одной стороны, каунчинские «шашлычницы», с другой — своим местом в структуре очага-алтаря — странные керамические «алтарики», найденные в склепах джетыасарской культуры в низовьях Сырдарьи [Левина, 1996: 88], а также двухголовые фигуры на джанкентских алтарях [Зиливинская, 2013; Дарменов, Тажекеев, 2018: 109–114].

Благодаря тому, что часть «джетыасарцев» хоронила своих покойников в склепах, устроенных наподобие традиционных жилищ, мы имеем более информативный, чем очаги в жилищах, вариант устройства их очагов-алтарей. Для второго, по классификации Л. М. Левиной, типа склепов в отличие от прочих характерно наличие в центре пола стационарных подпрямоугольных с одной овальной стороной очагов, заглубленных в пол на 5–15 см с бортиками по краю. Это в принципе те же домашние очаги, но вместо полусферических парных налепов, характерных для очагов в жилищах в «передней» части очага, в склепах установлены своеобразные «алтарики» «в виде прямоугольной в плане плитки из обожженной глины с трехъярусными ступенчатыми пирамидками на концах». Зафиксировано девять таких случаев, и все в склепах, датированных V–VII вв. [Левина, 1996: 81–84; 1993]. Очевидно, что парные налепы на очагах в жилищах и ступенчатые пирамидки по краям «алтариков» в погребальных склепах семантически эквивалентны.

Нужно отметить, что в массовом материале из джетыасарских городищ, полученном за многие годы их интенсивных исследований, «шашлычницы» «каунчинского типа» практически не известны. За такую можно признать лишь один невзрачный фрагмент (тип 2 по Г. А. Пугаченковой), прорисовку которого Л. М. Левина поместила в одну из таблиц [1996: 261, рис. 66] (см. рис. — 7.–3).

«Алтарики» же неоднократно зафиксированы в склепах второго типа *in situ* «в передней части центрального напольного очага или же непосредственно перед очагом напротив входа в камеру». Ясно, что это неперенный атрибут алтаря (культы предков?) и, можно предположить, что именно установка и наличие этой керамической детали придавали очагам погребальных склепов особое значение. Нам представляется, что деталь, зафиксированная на алтаре помещения 14 сидакской цитадели, представляет собой один из вариантов джетыасарских «алтариков» и семантически эквивалентна известным «шашлычницам», хотя смысл и функциональное назначение этих деталей алтарей и «шашлычниц» пока остается загадочным (см. рис. 3. — 1–4). Их сближает форма — вытянутый «брусочек» с возвышениями на концах и связь с алтарем-очагом. Джетыасарские «алтарики» Л. М. Левина также сопоставляет «с парными конусовидными выступами на концах специальных возвышений центральных открытых очагов основного помещения каждой жилой секции» во всех джетыасарских городищах [Левина, 1996: 249; 1971: рис. 59]. Аналогичные детали имеются и на напольных очагах в алтынтобинских и куйруктобинских домах, но относящихся уже к VIII–X вв. [Смагулов, 1992: 34–43].

Рис. 7. Приочажные двухголовые подставки: 1–2 – из верхнего слоя Джанкента [Зиливинская, 2013; Дарменов, Тажекев, 2018]; 3 [Левина, 1996: рис.164–10]; 4 [Смагулов, 2004: рис.3–3]

Рис. 8. Протомы крылатых маскированных коней – оберег «исыкского золотого человека»

Таким образом, исходя из конструктивно-морфологического подобия и единства места в семантической структуре жилища мы приходим к выводу, что двусторонние керамические протомы разных форм являлись в сако-сарматской, кангюйской, огузской среде культовыми атрибутами в оформлении очагов/алтарей. Они выполняли в самом широком смысле функции апотропеев, защитное воздействие которых было направлено на домашний алтарь, на все сферы общественного бытия, связанные с домом, семьей, общиной. Наиболее раннюю и искусно выполненную сакральную форму подобного оберега можно увидеть в центре магического символа на лобной части кулаха/короны «иссыкского золотого человека» (рис. 8).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахатов Г. А., Смагулов Т. Н. Археологические исследования городища Жанкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008 года. Алматы, 2008. С. 117–222.

Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7. С. 94–112.

Богомоллов Г. И., Алимов К. А. Очажные подставки с Эгар и Куруктепае (к вопросу о зооморфных подставках Чача) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 161–166.

Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982. 194 с.

Буряков Ю. Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и Средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 50–56.

Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. 210 с.

Григорьев Г. В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940. 44 с.

Гуревич Л. В. К интерпретации пянджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. С. 67–89.

Дарменов Р. Т., Тажекеев А. А. Ритуальные очаги на городище Жанкент // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 109–122.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // Свод археологических источников. Вып. Д. 1–7. М., 1991. 140 с.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. 494 с.

Зиливинская Э. Д. Очаги жилого комплекса на городище Жанкент // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 3. С. 100–107.

Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент, 1981. 127 с.

Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции. М., 1971. Т. VII. 248 с.

Левина Л. М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыясарская культура. Склепы. М., 1993. Ч. 1. 282 с.

Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 45–90.

Левина Л. М. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первом тысячелетии н. э. // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 170–177.

Левина Л. М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996. 395 с.

Максимова А. Г., Мерщев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. 260 с.

Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989. 203 с.

Пугаченкова Г. А. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда) // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1986. № 5. С. 34–37.

Смагулов Е. А. «Шашлычницы» Алтынтобе // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004. № 1. С. 90–108.

Смагулов Е. А. Из истории кангюйской архитектуры: здания крестообразной планировки // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 495–520.

Смагулов Е. А. К истории происхождения и развития жилища «отрарского типа» // Известия НАН РК. 2014. № 1 (274). С. 70–91.

Смагулов Е. А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1992. С. 34–43.

Смагулов Е. А. Сидакский культовый центр в системе межрегиональных связей // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент: материалы Международной конференции. Шымкент, 2008. С. 378–408.

Филанович М. И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. 230 с.

Шульц П. Н. Позднескифская культура и её варианты на Днестре и в Крыму // Проблемы скифской археологии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 177. М., 1971. С. 127–142.

REFERENCES

Ahatov G. A., Smagulov T. N. *Arheologicheskie issledovaniya gorodishha Zhankent* [Archaeological research of the settlement Zhankent]. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoj programme "Kul'turnoe nasledie" 2008 goda* [Report on archaeological research under the state program "Cultural heritage" of 2008]. Almaty, 2008. S. 117–222 (in Russian).

Berlizov N. E., Kaminskij V. N. *Alany, Kangjuj i Davan'* [Alans, Kangjuj and Davan]. *Piterburgskiy arkheologicheskij Bulletin* [Petersburg Archaeological Bulletin]. 1993. № 7. S. 94–112 (in Russian).

Bogomolov G. I., Alimov K. A. *Ochazhnye podstavki s Egar i Kuruktepe: (K voprosu o zoomorfnyh podstavkakh Chacha)* [Fireplace supports from Egar and Kuruktepe: (More on zoomorphic supports of Chach)]. *Istoriya material'noi kultury* [History of material culture]. Samarkand, 1996. № 27. S. 161–166 (in Russian).

Brykina G. A. *Jugo-Zapadnaja Fergana v pervoj polovine I tys. nashej ery* [South-Western Fergana in the first half of the I Millennium A. D.]. М., 1982. 194 с. (in Russian).

Burjakov Y. F. *Arheologicheskie materialy k etnicheskoj istorii bassejna Srednej Syrdar'i v drevnosti i Srednevekov'e* [Archaeological materials on the ethnic history of the Middle reaches of the Syr Darya region in Antiquity and in the Middle Ages]. *Materialy k etnicheskoj istorii naselenija Srednej Azii* [Materials on the ethnic history of the peoples of Central Asia.] Tashkent, 1986. S. 50–56 (in Russian).

Burjakov Y. F. *Genezis i etapy razvitija gorodskoj kul'tury Tashkentskogo oazisa* [Genesis and the stages of development of urban culture of Tashkent oasis]. Tashkent, 1982. 210 s. (in Russian).

Grigoriev G. V. *Kaunchitepe (raskopki 1935 g.)* [Kaunchitepe (Excavations of 1935)] Tashkent, 1940. 44 s. (in Russian).

Gurevich L. V. *K interpretacii pjandzhikentskih "kapell"* [Concerning interpretation of Pjanjikent "chapels"]. *Kul'turnye svjazi narodov Srednej Azii i Kavkaza* [Cultural relations of the peoples of Central Asia and Caucasus]. M., 1990. S. 67–89 (in Russian).

Darmenov R. T., Tazhekev A. A. *Ritual'nye ochagi na gorodishhe Zhankent* [Ritual fireplaces at the site of ancient settlement of Zhankent]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2018. № 4 (17). S. 109–122 (in Russian).

Dashevskaja O. D. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in the Crimea] *Svod arkheologicheskikh istochnikovp* [Collection of archaeological sources]. M., 1991. Edition D. 1–7. 140 s. (in Russian).

Drevnejshie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii. [The most ancient States of Caucasus and Central Asia]. M., 1985. 494 s. (in Russian).

Zilivinskaja JE. D. *Ochagi zhilogo kompleksa na gorodishhe Zhankent* [Residential centers at the site of ancient settlement of Zhankent]. *Izvestija NAN RK. Ser.obshhestv. i gumanitarnyh nauk* [News of the National Academy of Sciences of the RK. Series of social and humanitarian sciences]. 2013. № 3. S. 100–107 (in Russian).

Kabanov S. K. *Kul'tura sel'skih poselenij Juzhnogo Sogda III–VI vv.* [Culture of rural settlements of southern Sogd in the III–VI centuries]. Tashkent, 1981. 127 s. (in Russian).

Levina L. M. *Keramika Nizhnej i Srednej Syrdar'i v I tysjacheletii n. e.* [Ceramics of the lower and middle reaches of the Syr Darya in the I Millennium A. D]. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnographicheskoy ekspeditsii* [Works of Khorezm archaeological and ethnographic expedition]. M., 1971. V. VII. 248 s. (in Russian).

Levina L. M. *Zhetyasarskie sklepy.* [Zhetyasar sepulchers]. *Nizov'ja Syrdar'i v drevnosti. Vyp. 2.* [Lower reaches of the Syrdarya in Antiquity. Edition 2]. *Zhetyasarskaja kul'tura. Ch. 1. Sklepy.* [Zhetyasar culture. Part 1. Sepulchers]. M., 1993. 282 s. (in Russian).

Levina L. M. *Keramika i voprosy hronologii pamjatnikov zhetyasarskoj kul'tury* [Ceramics and questions of Zhetyasar culture monuments dating]. *Material'naja kul'tura narodov Srednej Azii i Kazahstana* [Material culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. M., 1966. S. 45–90 (in Russian).

Levina L. M. *Sredneaziatskie svjazi zhetyasarskoj kul'tury v pervom tysjacheletii n. e.* [Central Asian relations of zhetyasar culture in the first Millennium A. D]. *Kul'tura i iskusstvo Drevnego Khorezma.* [Culture and art of Ancient Khorezm]. *Kultura i iskusstvo Drevnego Horesma.* [Culture and art of Ancient Khorezm]. M., 1981. P.170–177 (in Russian).

Levina L. M. *Etnokul'turnaja istorija vostochnogo Priaral'ja* [Ethno-cultural history of the Eastern Aral Sea region]. M., 1996. 395 s. (in Russian).

Maksimova A. G., Mershhiev M. S., Vajnberg B. I., Levina L. M. *Drevnosti Chardary* [Chardary antiquities]. Alma-Ata, 1968. 203 s. (in Russian).

Pugachenkova G. A. *Drevnosti Miankaya* [Antiquities of Miankal]. *Iz robot Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspedicii* [From the works of the Uzbek art expedition]. Tashkent, 1989. 203 p.

Pugachenkova G. A. *Ochazhnye podstavki iz Bulakbashi (k ideologii drevnego skotovodcheskogo naselenija Samarkandskogo Sogda)*. [Fireplace supports from Bulakbashi (More on the ideology of the ancient cattle herders of the Samarkand Sogd)]. *Obshestvennye Nauki Uzbekistana*. [Social Sciences of Uzbekistan]. 1986. № 5. S. 34–37 (in Russian).

Smagulov E. A. “Shashlychnicy” Altyntobe. [“Barbecues” of Altyntobe]. *Izvestija NAN RK, serija obshhestvennyh nauk*. [News of the National Academy of Sciences of the PK, Series of Social Sciences]. 2004. № 1. S. 90–108 (in Russian).

Smagulov E. A. *Iz istorii kangjujskoj arhitektury: zdaniya krestoobraznoj planirovki*. [From the history of Kangui architecture: dwellings of cruciform plan]. *Gunnskij forum. Problemy proishozhdenija i identifikacii kul'tury evrazijskih gunnov*. [Hun forum. Problems of origin and identification of the the Eurasian Huns culture]. Cheljabinsk, 2013. S. 495–520 (in Russian).

Smagulov E. A. *K istorii proishozhdenija i razvitija zhilishha “otratskogo tipa”* [Concerning history of origin and development of an “Otrar type” dwelling]. *Izvestija NAN RK, ser.obshh. nauk* [News of the National Academy of Sciences of the RK. Series of Social Sciences]. 2010. S. 70–91 (in Russian).

Smagulov E. A. *Kompleks ritual'nyh atributov iz Otrarskogo oazisa* [Complex of ritual attributes from Otrar oasis]. *Arheologicheskie issledovanija v Kazahstane*. [Archaeological studies in Kazakhstan]. Alma-Ata, 1992. S. 34–43 (in Russian).

Smagulov E. A. *Sidakskij kul'tovyj centr v sisteme mezhregional'nyh svjazej* [Sidak religious center in the system of interregional relations]. *Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Evrazii i vozrast goroda Shymkent. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Ancient and medieval urbanization of Eurasia and the age of Shymkent city. Proceedings of the International Conference]. Shymkent, 2008. S. 378–408 (in Russian).

Filanovich M. I. *Tashkent: zarozhdenie i razvitie goroda i gorodskoj kul'tury* [Tashkent: origin and development of the city and urban culture]. Tashkent, 1983. 230 s. (in Russian).

Schultz P. N. *Pozdneskifskaja kul'tura i ejo varianty na Dnepre i v Krymu* [Late Scythian culture and its versions on the Dnieper and in Crimea]. *Problemy skifskoj arheologii. Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Problems of Scythian archaeology. Materials and Studies on Archaeology]. № 177. M., 1971. S. 127–142 (in Russian).

Цитирование статьи:

Смагулов Е. А. О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 61–74.

Citation:

Smagulov E. A. Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 61–74.
